

Плехановъ и социаль-демократическіе Бобчинскіе.

Во время революціи на съѣздахъ и конференціяхъ, на всякихъ собраніяхъ и въ частныхъ бесѣдахъ безъ конца повторялась и варьировалась эта фраза:

— Намъ, социаль-демократамъ, надо всегда быть съ рабочимъ классомъ.

Нѣкоторые говорили такъ: лучше ошибаться вмѣстѣ съ пролетаріатомъ, чѣмъ оставаться въ правотѣ своей вдали отъ него. Модной стала фраза: по ту или по эту сторону баррикады? При чемъ нѣкоторые изъ гордо вопрошавшихъ находили и третій путь и въ критическій моментъ прятались подъ баррикадой, пребывая ни въ сѣхъ, ни въ тѣхъ. Я помню, какъ на одной конференціи одинъ интернаціоналистъ провозглашалъ:

— Исторія не вспомнитъ о тѣхъ, кто былъ правъ. Она золотыми буквами запишетъ на своихъ страницахъ тѣхъ, кто былъ въ эти дни съ рабочимъ классомъ.

Объ исторіи очень часто говорили. Говорятъ и по сію пору. Есть въ этомъ несомнѣнно и преклоненіе предъ историческимъ величіемъ современныхъ событій. Но есть и другое—есть мелочная суетность людей, которые какъ-бы чувствуютъ себя все время передъ аппаратомъ кинематографа. Даже во время похоронной процессіи такіе люди вылѣзаютъ впередъ и стараются непременно попасть на ленту. Правильно или неправильно избранъ путь,—это вопросъ другой, а вотъ важно, чтобы на лентѣ исторіи, у будущаго Лиссагаре я былъ впереди, на самомъ видномъ мѣстѣ!

Нисколько не отрицаю искренности этого чувства. Не сомнѣваюсь въ томъ, что есть въ немъ и своя правда, и что дѣйствительно весьма тяжело, мучительно тяжело остаться вдали отъ рабочаго класса въ годину революціи. Психологически совершенно понятенъ этотъ горячій часъ, боязнь пустоты, одиночества. Слабыя души не могутъ его перенести. И если имъ не удастся стать впереди рабочаго класса, не удастся даже попасть въ его ряды, если стихійное движеніе обгоняетъ ихъ, оставляетъ позади, то они стараются поспѣть за нимъ, догоняютъ изо всѣхъ силъ, спотыкаясь на каждомъ шагѣ. На локомотивѣ исторіи для нихъ не нашлось мѣста, въ вагоны ихъ не пустили.—„Ничего, ничего, я такъ: пѣтушкомъ, пѣтушкомъ побѣгу за дрожками“,—умолялъ при аналогичныхъ условіяхъ Петръ Ивановичъ Бобчинскій. И во время революціи десятки Бобчинскихъ различнаго ранга пѣтушкомъ-пѣтушкомъ бѣжали за рабочимъ классомъ, смертельно боясь опоздать и всюду опаздывая, теряя по дорогѣ всѣ свои принципы, думая напряженно только объ одномъ: какъ бы на лентѣ исторіи быть вмѣстѣ съ рабочимъ классомъ. Я не знаю, попадутъ ли они на ленту. Но знаю: если попадутъ, то въ этой позѣ пѣтушкомъ-пѣтушкомъ поспѣвающихъ.

Эта суетливая погоня не спасла Бобчинскихъ. Пѣтушкомъ-пѣтушкомъ они бѣжали за дрожками Ленина. Въ этомъ не было ничего достойнаго, но была по крайней мѣрѣ опредѣленность погони—знали, кого догонять. Но затѣмъ наступилъ моментъ неопредѣленности. Рабочій классъ раскололся и сталъ разбредаться. Гдѣ надо теперь стать, чтобы попасть на ленту исторіи вмѣстѣ съ рабочимъ классомъ? Въ совдепахъ уже нѣтъ рабочаго класса, въ собраніи уполномоченныхъ его еще нѣтъ въ достаточномъ числѣ. Бобчинскіе стоятъ въ растерянности. Они пришли на могилу Плеханова и возложили вѣнокъ. Нѣчто вродѣ угрызенія совѣсти было въ ихъ рѣчахъ и статяхъ. Но они боязливо оглядывались и въ сторону совдеповъ. Бѣдные! Они не знаютъ, гдѣ стоитъ теперь камера кинематографа, и въ какую сторону надо бѣжать. Они потеряли рабочій классъ и бродятъ въ одиночествѣ. Люди, видѣвшіе призваніе свое въ томъ, чтобы стоять на запяткахъ, оказались за штатомъ.

Плехановъ никогда не стоялъ на запяткахъ движенія, и нельзя себѣ даже представить Плеханова бѣгущимъ пѣтушкомъ-пѣтушкомъ за дрожками. Плехановъ былъ вождь пролетаріата, прирожденный вождь. Онъ никогда не охорашивался передъ зеркаломъ исторіи и не боялся того, что скажетъ о немъ какая угодно „Марія Алексѣвна“. Онъ былъ безстрашенъ, какъ рыцарь, ибо какъ рыцарь служилъ своей идеѣ рабочаго класса. Онъ ни разу не измѣнилъ себѣ, и возьмите его статьи 1917 года—онѣ продолжаютъ безъ перерыва и уклона его брошюру „Соціализмъ и политическая борьба“, вотъ ту брошюру, на которой выросла вся соціалъ-демократическая кадровая интеллигенція Россіи; брошюру, которая и теперь кажется откровеніемъ, потому что успѣли ее позабыть, какъ будто ея никогда и не было. И вотъ вѣдь что должно казаться страннымъ, непонятнымъ всѣмъ Бобчинскимъ соціализма: даже находясь въ своемъ одиночествѣ, томясь въ изгнаніи, Плехановъ всегда оставался съ рабочимъ классомъ, потому что всегда, до послѣдней минуты, до послѣдняго вздоха былъ ему вѣренъ, не измѣнялъ ему ни дружбы, ни успѣха, ни корысти ради, оставался вѣренъ великому долгу своему и при самыхъ тяжкихъ испытаніяхъ говорилъ рабочему классу правду о немъ же самомъ. Въ наши дни повальной безпринципности, всеобщаго „викжеланія“, дешеваго политиканства, конкурирующаго съ грубой демагогіей, плѣняетъ въ Плехановѣ эта черта высокой, суровой политической честности. Вотъ ужъ кто подлинно не боялся идти противъ теченія, имѣлъ мужество оставаться самимъ собой, на своемъ посту. „Одинъ въ полѣ не воинъ“,—говорили трусливые люди, устремляясь за толпой—куда толпа, туда и они. А Плехановъ остался одинокимъ воиномъ въ полѣ, почти одинъ у стараго марксистскаго знамени. Съ какимъ спокойнымъ достоинствомъ переносилъ онъ одиночество свое! Съ полнымъ правомъ онъ могъ повторить тотъ гордый стихъ Данте, которымъ Карлъ Марксъ открываетъ „Капиталъ“:

— Иди своимъ путемъ, и пусть себѣ люди говорятъ, что имъ угодно.

Либкнехтъ писалъ въ воспоминаніяхъ своихъ о Марксѣ: „Рабочая масса, для освобожденія которой онъ въ тиши ночей ковалъ оружіе, не только не понимала его, но не рѣдко съ презрѣніемъ отталкивала и въ тоже время бѣжала за пустыми болтунами, лицемерными предателями или просто открытыми врагами“. Это испыталъ на себѣ и Плехановъ. Рабочая масса Россіи, для которой онъ ковалъ оружіе, не поняла его. Партійные Бобчинскіе отнеслись къ нему съ высокомернымъ пренебреженіемъ. Въ своей траги-комической бѣготѣ за рабочимъ классомъ они пуще всего боялись, какъ бы не скомпроментировать себя знакомствомъ съ Плехановымъ. Бобчинскіе всѣхъ сортовъ издѣвались надъ нимъ, шныряли, какъ природные лакеи, какъ люди, родившіеся для запятокъ. И потомъ они же, пѣтушкомъ-пѣтушкомъ прибѣжали на похороны, лицемерно скорбѣли о томъ, что рабочій классъ Россіи проявилъ такой избытокъ неуваженія къ учителю своему..